

А.Ф. Лосев: между публицистикой и социальной эпистемологией*

Е.А. Тахо-Годи

Статья предваряет публикацию неизвестной прежде работы А.Ф. Лосева «Организация средней школы» (см. Приложение) и обращается к раннему периоду творчества философа (конец 1910-х – 1920-е гг.) – времени его наибольшей общественно-политической активности. Главное внимание в исследовании уделяется публицистическим выступлениям А.Ф. Лосева 1918 г., посвященным проблемам школьного образования. Выявляется общественно-политический контекст, спровоцировавший обращение молодого философа к этой проблематике. Вместе с тем ставится задача понять место публицистики 1918 г. в общем контексте лосевского творчества. Такой подход помогает увидеть связь размышлений А.Ф. Лосева об организации школьного образования с выдвинутым им «императивом» приобщения человеческой личности к высшему знанию – к вере. Автор показывает, что лосевская мысль постепенно движется от анализа политической реальности и решения задач духовного воспитания ребенка к рассмотрению проблемы «объективной истины» и ее исторических трансформаций и далее, в книгах 1920-х гг. и в художественной прозе 1930-х гг., к реконструкции типов мышления, порожденных и религиозными доктринами, и самой социальной действительностью. Проведенный анализ позволяет выявить общую основу публицистических, художественных и философских текстов, а также поставить вопрос о возможных схождениях социальной эпистемологии и лосевского учения об «относительной» и «абсолютной» мифологиях, наиболее последовательно разработанного философом в его книге «Диалектика мифа».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А.Ф. Лосев, школа, публицистическая статья, знание, мифология, эпистемология.

ТАХО-ГОДИ Елена Аркадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; заведующая отделом Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева».

takho-godi.elena@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22 марта 2018.

Цитирование: *Тахо-Годи Е.А.* А.Ф. Лосев: между публицистикой и социальной эпистемологией // *Вопросы философии.* 2018. № 10. С. 140–149.

А.Ф. Лосев представлялся читателям 1970–1980-х гг. человеком сугубо академическим, погруженным исключительно в изучение античности и не проявлявшим интереса к современности. То, что этот образ далек от истины, было осознано после

---

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432). The scientific investigation was carried out at the Institute of World Literature A.M. Gorky the Russian Academy of Sciences with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432).

© Тахо-Годи Е.А., 2018 г.

смерти мыслителя, когда с 1990-х гг. началось возвращение всего его наследия, когда стала общим достоянием история его ареста в апреле 1930 г., заключения и отправки в лагерь, на строительство Беломорско-Балтийского канала, а также запрещения властями его книги «Диалектика мифа».

Опубликованные за последние десятилетия материалы позволяют говорить о том, что общественно-политическая позиция Алексея Федоровича, столь ярко выразившаяся в «Диалектике мифа» – последней официально изданной в СССР (в 1930 г.) антимарксистской книге – выработывалась подспудно, что ее истоки можно найти уже в дореволюционные и первые пореволюционные годы, в его публицистических откликах на актуальные социальные проблемы. Еще в 1915 г. двадцатидвухлетний А.Ф. Лосев обратился с письмом к П.Н. Милюкову, подняв перед депутатом Государственной Думы вопрос об экономическом положении молодых ученых и о необходимости его решения на государственном уровне [Тахо-Годи 2007^а, 54–56]. После революционных событий 1917 г. активная гражданская позиция Лосева проявилась уже в полной мере.

К 1917 г. относится его участие в сборнике “Russland”. Замысел издания, судя по всему, возник сразу после Февральской революции в кругу известного историка, члена Партии народных социалистов С.П. Мельгунова, но был реализован лишь в 1919 г. в Швейцарии его родственниками – свояченицей Верой Степановой и ее мужем Федором (Теодором Паулем) Эрисманом, впоследствии видным австрийским психологом [Тахо-Годи 2011]. В “Russland” была опубликована статья Лосева «Русская философия» [Лосев 2015, 183–212]. Сборник, изначально носивший скорее культуртрегерский характер – знакомство европейцев с истинной Россией, после прихода к власти большевиков, многочисленных арестов С.П. Мельгунова, убежденного, что между идеями К. Маркса и большевизмом лежит непреодолимая граница (что наиболее явственно выразилось в его книге «Красный террор в России»), приобрел иное, уже политическое измерение, превратившись в рассказ о «России, которую мы потеряли». В 1918 г. Лосев пытался подготовить и выпустить в свет совместно с Вяч. Ивановым и С. Булгаковым религиозно-философскую серию «Духовная Русь» с привлечением к ней таких видных деятелей русской культуры начала XX в., как С. Дурьлин, Н. Бердяев, А. Глинка-Волжский, Е. Трубецкой, П. Флоренский, Г. Чулков. Проект этот рождался параллельно – и хронологически, и в определенной степени идеологически – с осуществленным П.Б. Струве изданием сборника «Из глубины» (подробнее об этом см.: [Тахо-Годи 2014]). При этом, представляя серию в письме к издателю М.В. Сабашникову, Лосев специально подчеркнет: «Взгляды авторов анти-марксистские, но исследование везде ведется в тоне свободного, внеконфессионального религиозного сознания» [Там же, 295].

В иной форме, но та же активная позиция была репрезентирована в лосевских публицистических выступлениях 1918 г. в газете «Жизнь», издававшейся анархистами, однако пропагандой анархистской идеологии не ограничивавшейся. Об этом, в первую очередь, свидетельствует литературный отдел газеты, в котором печатались авторы, от анархизма далекие, к примеру, А. Ахматова, О. Мандельштам. Публикации Алексея Федоровича в газете «Жизнь» лишь на первый взгляд представляются разрозненными и тематически друг с другом не связанными. На самом деле, перед нами разные ракурсы одной и той же проблемы – философия и современный исторический момент.

Так, в обзоре «Русская философская литература в 1917–18 гг.» Лосев не просто оценивал появившиеся труды С. Булгакова, И. Ильина, С. Франка, Н. Лосского, но и задавался вопросом: почему философы не спешат отозваться на сегодняшний исторический кризис, почему философия молчит? [Лосев 2015, 178–181] Он особо выделяет работу П.И. Новгородцева «Об общественном идеале», видя в ней «углубленно общественное значение», «объективную философскую критику марксизма», причем «столь объективная критика марксизма», по его мнению, «в русской литературе является впервые [Там же, 180].

Еще в одной статье — «К столетию великой книги» — А.Ф. Лосев, отдавая дань памяти А. Шопенгауэру и его книге «Мир как воля и представление», интерпретировал этот классический труд как предвестие нового мироощущения, того страстного дионисизма, который охватил людей XX столетия [Там же, 181–183].

Появление статьи «О кризисе средней школы» [Там же, 811–812] — текста чисто публицистического — обусловлено личным опытом молодого философа, с середины 1910-х гг. преподававшего в московских гимназиях. Не забудем, что вся лосевская жизнь — это путь педагога, путь, пролеглий от гимназических уроков к лекциям в Нижегородском университете, в Институте Слова и в Московской консерватории в 1920-е гг., в провинциальных вузах в Чебоксарах, Куйбышеве и Полтаве в 1930-х гг., в МГУ в начале 1940-х, а с 1944 г. и до конца дней в МГПИ им. В.И. Ленина. Страсть к преподаванию, жажда привить молодому поколению интерес к учению и знанию в 1980-е гг., на закате жизни, выразилась и в многочисленных интервью Алексея Федоровича для журнала «Студенческий меридиан», и в его вымышленных беседах с недалеким, но настойчиво тянущимся к знанию студентом Чаликовым (выстроенные в духе средневековых диалогов наставника и ученика, они вошли в книгу «Дерзание духа», изданную посмертно и ставшую своеобразным духовным завещанием Лосева).

Заинтересованность в судьбе школьного образования в революционную эпоху, активную включенность Лосева в школьное строительство подтверждает еще один текст, появившийся в газете «Жизнь» 15 (2) июня 1918 г., к сожалению, не выявленный нами при публикации материалов из газеты в 2007 г. [Тахо-Годи 2007^а] и потому упущенный как в книге, посвященной лосевской позиции в первые пореволюционные годы [Тахо-Годи 2014], так и в издании собрания ранних работ философа [Лосев 2015]. Это небольшая публицистическая статья «Организация средней школы» [Лосев 1918, 3] (благодарю Н.А. Богомоллова за указание на эту публикацию). Теперь, ровно через сто лет после ее появления в свет, можно пополнить библиографию мыслителя [Указатель 2013] еще одной позицией. Ценность данной находки, несмотря на небольшой объем самой статьи, не представляет сомнений. Хотя этот текст затрагивает проблематику, казалось бы, далекую от основного научного вектора исследований Лосева, он отнюдь не маргинален в наследии философа: перед нами очень важная веха — еще один факт, подтверждающий социальную активность молодого мыслителя. Чтобы понять пафос лосевской статьи, надо хотя бы пунктирно очертить историческую обстановку, на фоне которой она писалась.

Первые подступы к реформированию школы были предприняты еще Временным правительством, поднявшим вопрос о передаче церковно-приходских школ в государственное ведение. После прихода к власти большевиков Народный комиссариат по просвещению РСФСР принимает 30 ноября 1917 г. Постановление «О реформе средней школы», направленное на «демократизацию» учебных заведений: организацию в них коллегиального управления — педагогических советов, куда должны были входить, помимо преподавателей и учащихся, три представителя местного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — каждый с правом решающего голоса.

Школьная реформа проводилась большевиками в контексте политики отделения Церкви от государства. Уже 11 декабря 1917 г. Комиссариат по народному просвещению РСФСР принимает Постановление «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению» [Декреты 1957, 210–211]. А 20 января 1918 г. (2 февраля по новому стилю, введенному 24 января 1918 г. [Там же, 404–406]) был принят «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», в соответствии с которым запрещалось преподавание церковных предметов в государственных и частных учебных заведениях [Там же, 371–374] (24 августа 1918 г. Народный комиссариат юстиции РСФСР выпустил Постановление (Инструкцию), касающуюся порядка проведения в жизнь этого декрета, установившего отделение церкви от государства, а школы — от церкви). В итоге, 23 января 1918 г. выходит Приказ Народного комиссариата государственного призрения РСФСР «О прекращении выдачи средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей и законоучителей и на совершение церковных обрядов», а 17 февраля издается Поста-

новление Наркомпроса РСФСР «Об упразднении должностей законоучителей всех вероисповеданий» [Там же].

Лосевская публицистическая статья «Организация средней школы» является реакцией на одну из директив этого времени, а именно на принятый 30 мая 1918 г. Декрет Совета народных комиссаров «Об объединении учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств в ведомстве Народного комиссариата по просвещению» [Декреты 1959, 357–359]. В соответствии с ним, в целях обновления учебно-воспитательного дела на началах новой педагогики и социализма, все учебные заведения с принадлежащими им помещениями и прочим имуществом (в срок до 15 июля 1918 г.) переводились в ведение Наркомпроса. Декрет принимался в чрезвычайно сложной политической обстановке: накануне, 29 мая, были приняты Постановление «Об объявлении Москвы на военном положении» [Там же, 343] и «Обращение к населению о борьбе с голодом», текст которого недвусмысленно свидетельствовал о катастрофичности ситуации: «Голод уже пришел; его ужасное дыхание чувствуется в городах, фабрично-заводских центрах и потребляющих губерниях» [Там же, 348]. Примечательно, что в то же самое время, 1 июня 1918 г., СНК выпускает Постановление «Об ассигновании 1 млн. руб. на сооружение памятника на могиле К. Маркса» в Лондоне и объявляет конкурс на проект памятника [Там же, 385–386].

Среди этого хаоса — голода, военного положения, бесконечных декретов и постановлений нового режима, безжалостно доламывающего старое государство и пытающегося на его развалинах выстроить собственное, — и пишется лосевская статья об организации средней школы. Вопреки возможным ожиданиям Лосев не воспринимает национализацию образовательных учреждений негативно. Для него очевидны недостатки прежних частных школ — их «антипедагогическое устройство», жидущееся на коммерческих и авторитарных устремлениях владельцев. Однако то, что Декрет исключает возможность всякой частной инициативы, для Лосева несомненный промах властей. Он убежден, что «в силу чисто человеческих особенностей психики, личной и общественной, никакое правительство не может обнять неисчерпаемого многообразия и границ просветительной деятельности», и считает, что «национализировать самый тип школ, ее внутреннюю психологию, опасно уже по одному тому, что жизнь все равно не укоротишь и не ограничишь» [Лосев 1918, 3]. Жизнь шире любой системы, поэтому как старая школьная (гимназическая) система не содействовала полному раскрытию личности детей и преподавателей, так и одна-единственная, навязываемая всем школьная система, какой бы прогрессивной она ни казалась, не сумеет этого сделать. Вот почему Лосев настаивает на необходимости «...допустить существование школ, построенных и на иных началах, чем школа общегосударственная» [Там же].

В статье «Кризис частной средней школы», напечатанной 6 июля 1918 г. в последнем номере газеты «Жизнь», закрытой властями, Лосев-публицист сухо, почти без эмоций, оперируя одними цифрами, описывает катастрофическое положение средней школы, оставшейся после Декрета 30 мая без собственных капиталов и помещений. И пусть в дореволюционной образовательной системе были свои недостатки, теперь старая школа предстала своего рода «духовным оазисом», чудом сохранившимся, несмотря на опустошительный разгул революционной стихии: «На улице совершались беспорядки, одно правительство сменяло другое, а в классах шла речь о погибших цивилизациях Востока, о поэзии Пушкина, решались тригонометрические задачи. Средняя школа, надо сказать прямо, была каким-то странным оазисом, который и по настоящий день наименее затронут кем бы то ни было, хотя угроз и было достаточно» [Лосев 2015, 811].

Однако очень скоро с иллюзией возможности сохранения «духовных оазисов», как и разных форм школ в советском обществе, было покончено: принятые «Положение об организации дела народного образования в Российской Республике» (от 18 июня 1918 г. [Декреты 1959, 451–457]) и «Положение об единой трудовой школе РСФСР» (от 30 сентября 1918 г. [Декреты 1964, 374–380]) окончательно упразднили надежды на многообразие в школе, ставшей важным элементом идеологической системы.

Тем не менее Лосев продолжал разрабатывать собственную концепцию воспитания юношества. 29 марта 1921 г. в Педагогическом кружке Нижегородского государственного университета он прочел доклад «О методах религиозного воспитания» (см.: [Стоюхина 2010]), где доказывал, что приобщение человека к высшему знанию — вере — может осуществляться и вне каких-либо специальных институций, конфессиональных или образовательных (т.е. все той же единой трудовой школы), но даже, к примеру, через чтение произведений художественной литературы, потому что «...религиозное воспитание есть вопрос вообще о религиозном устройении жизни, об особой организации просвещения ума и сердца и, следовательно, всего жизнеощущения и жизнедействия...», т.е. «*принцип мистической всепроникновенности*» [Лосев 2015, 606].

О религиозном воспитании Алексей Федорович задумывался и прежде — об этом свидетельствуют сохранившиеся тезисы не дошедшей до нас статьи (или доклада) «О реформе Закона Божия в гимназиях» [Там же, 577–582]. В издании 2015 г. тезисы условно датированы 1916-м г., но, скорее всего, написаны они все-таки не раньше лета 1917-го. Дело в том, что 14 июля 1917 г. Временным правительством был опубликован Закон о свободе совести, четвертое положение которого устанавливало свободу религиозного самоопределения для каждого гражданина по достижении им четырнадцатилетнего возраста. Воплотить положения этого закона в жизнь должен был созданный Государственный комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения. Однако в том же июле 1917 г. в Петрограде прошел второй съезд законоучителей, создавший Всероссийский законоучительский союз, выступивший с требованием сохранить преподавание Закона Божия, хотя и согласавшийся с необходимостью проведения реформы. 28 сентября 1917 г. Поместным Собором было принято определение «О преподавании Закона Божия в школе», где выдвигалось требование к Временному правительству сделать во всех светских школах (государственных и частных) Закон Божий обязательным предметом, а законоучителей наделить правами государственных служащих (подробнее см.: [Бычкова 2009; Житнев 2015]).

Возвращение Лосева к этой проблематике в 1921-м г. в докладе «О методах религиозного воспитания», несомненно, связано со всё большей его вовлеченностью в религиозную жизнь и во все её перипетии 20-х гг., — его личной активностью, достигшей апогея после принятия митрополитом Сергием (Страгородским) Декларации от 16 (29) июля 1927 г., направленной на установление «мирных отношений» Церкви с Советским правительством (о лосевском участии в трагических событиях той эпохи в истории русской Церкви, см.: [Тахо-Годи 2007^a; Косик 2013]). Вместе с тем в этом докладе Лосев уже проводит идею полезности изучения истории религии не столько как истории, сколько как *типологии*, предусматривающей «погружение в различные типы религиозного мироощущения» [Лосев 2015, 614]. Те, кто знаком с лосевским творчеством, сразу увидят в этой формулировке один из первых подходов к теме, ставшей центральной для Лосева в 1920-е гг., а именно к вычленению и реконструкции различных типов мышления, порожденных не только определенными религиозными доктринами, но и самой социально-исторической действительностью, в книге «Диалектика мифа» Лосев назовет их «относительной мифологией». Типология различных «относительных мифологий» требовала от автора скрупулезного воссоздания и описания стиля мышления, присущего конкретному типу «относительной мифологии», а также коллектива, являющегося ее носителем. Примеров воссоздания таких коллективных мифов немало в лосевском «восьмикнижии» 1920-х гг. В «Философии имени» это описание материалистической мифологии, с ее апологией «...мира без конца и предела, без формы и охвата; мира, нигде не кончающегося и пребывающего в абсолютной тьме межзвездных пространств», за которую «мы», то есть истинные материалисты, «...проливали и будем проливать нашу живую и теплую кровь» [Лосев 1993, 773–774]. В «Диалектике мифа» обрисовывается «коммунистическая мифология», в соответствии с которой «...не только “призрак ходит по Европе, призрак коммунизма” (начало “Коммунистического манифеста”», но при этом “*копошатся гады контрреволюции*”, “*воют шакалы империализма*”, “*оскаливает зубы гидра буржуазии*”, “*зияют пастью финансовые акулы*”, повсюду «...“темные силы”

“мрачная реакция”, “черная рать *мракобесов*”; и в этой тьме — “красная заря” “мирового пожара”, “красное знамя” восстаний...» [Лосев 2001, 125]. А в сохранившемся лишь частично «Дополнении к “Диалектике мифа”» это пассажи о соотношении мифологии и производства в эпоху феодального строя [Там же, 240–255], о Возрождении, Новом времени, романтизме и парламентаризме [Там же, 255–277]. Находим мы аналогичные примеры и в лосевской прозе, создававшейся в 1930-е гг. (о ней см.: [Тахо-Годи 2007⁶]). Так, в рассказе «Из разговоров на Беломорстрое» автор сталкивает в полемике о технике различные стили мышления, поручая коммунисту Абрамову спорить с «неисправимым платоником» Борисом Николаевичем, сторонником органицизма Харитоновым и другими персонажами, каждый из которых олицетворяет и выражает определенный тип мироощущения [Лосев 2002, 421–486]. В ходе полемики лосевские герои приходят к тому же выводу, который автор прямо сформулирует от своего имени, выйдя из лагеря в методологическом введении к курсу «История эстетических учений» (сер. 1930-х гг.): «Договорённый до конца марксизм не есть ни объективизм, ни социализм, ни материализм, ни теория классово-борьбы, ни диалектика; но прежде всего теория пролетарской диктатуры, а потом уже всё прочее» [Лосев 1995, 381].

Для Лосева воссоздание подобной «относительной мифологии» невозможно без учета ее исторического, социального, психологического контекстов [Тахо-Годи 2002]. Этот лосевский историко-социологический подход зачастую воспринимался поверхностными читателями, как дань марксистскому учению об общественно-экономических формациях [Вахитов 2018]. Философ, однако, проводит четкое разграничение «относительной» и «абсолютной» мифологий — первая оказывается лишь ограниченным, неполным, ложным представлением о мире, знании, истине (претензия на «научность» тут не спасает, ибо научное знание не всегда способно оторваться от эмпирии, от позитивистски понятого «факта»), тогда как вторая, «абсолютная», сугубо трансцендентальная, позволяет приблизиться к единственно верному знанию о мире, человеческой и Божественной личности.

14 января 1969 г. знаменитый лингвист Р.О. Якобсон, рассказывая о лосевской «Диалектике мифа» Омри Ронену, слушавшему его лекции в Гарварде и Мичиганском технологическом университете, отмечал: «Лосев был арестован за книгу “Диалектика мифа”, в которой он подробно анализировал мифологический элемент в марксизме — а главному пропустил. Анализ Лосева был замечательный по тонкости, причем в вину советской идеологии Лосев вменял не то, что она мифологична, а что недостаточно мифологична — по сравнению с христианством феодализма. Кроме того, Лосев доказывал, что диалектика и есть абсолютный миф. Книга Лосева — ближайший подступ к семиотике, он отлично знал средневековую философию, которую современные семиотики игнорируют напрасно, в ней тончайшие наблюдения о природе знака» [Ронен 2005, 66–67].

Если о теории «мифа» Ролана Барта как эпистемологии писалось и отмечалось, что его заслугой были «...искусство рассматривать мир во всей его целостности как совокупность знаковых фактов» и «...осознание того, что семиология — это общая эпистемология» [Зенкин, 1996], то лосевское учение о мифе — об «относительной» и «абсолютной» мифологиях, пока никто не проанализировал с точки зрения социальной эпистемологии, хотя тут возможны чрезвычайно интересные сюжеты и схождения (на сегодняшний день связь «Диалектики мифа» с эпистемологией лишь констатирована [Энциклопедия 2009]).

Так, неожиданным образом, разговор о школьном образовании, начатый Лосевым в 1918 г. и спровоцированный определенным политическим контекстом, постепенно перерастает в вопрос о духовном воспитании личности, о знании и вере, а затем приводит к социальной эпистемологии, к проблеме «объективной истины» и ее исторических «личин», в том числе порожденной марксизмом относительной «коммунистической мифологии». Вместе с тем явственнее становятся генезис и истоки публицистических пассажей в его философских сочинениях 1920-х и художественной прозы 1930-х гг.

Приложение

Организация средней школы

А.Ф. Лосев

Декрет о национализации частных школ представляет собою положительное явление, если только нынешние руководители народного просвещения сумеют провести его в жизнь достаточно планомерно, что невероятно трудно в такой сложной обстановке, как теперешняя. Антипедагогическое устройство большинства частных школ слишком очевидно.

Коммерческие устремления их содержателей, их самодержавные тенденции к самостоятельному, за спиной всех педагогов, разрешению всех школьных проблем давно уже останавливали общее внимание.

Однако хотелось бы внести в чреватый своими последствиями декрет некоторые добавления.

Декрет, очевидно, исключает возможность всякой частной инициативы. Так, по крайней мере, надо судить на основании изданного текста. Это — несомненный промах.

В силу чисто человеческих особенностей психики, личной и общественной, никакое правительство не может обнять неисчерпаемого многообразия и границ просветительной деятельности. Всякое министерство или комиссариат, отражая взгляды своих руководителей, держит тот или другой курс школьной «политики», создает ту или иную норму для школьной жизни и т.д. Один комиссариат просвещения отличается от другого иным педагогическим мировоззрением, в связи с которым и направляет школу в ту или другую сторону. Было бы крайне неосторожно отрицать в момент власти одного педагогического мировоззрения полезность и целесообразность, хотя бы и частичную, всякого иного педагогического мировоззрения и веры. Дело воспитания и образования настолько сложно и неисчерпаемо, что никакая конкретная система педагогики не может удовлетворить нас всецело.

Проводя в жизнь декрет о национализации частной средней школы, совершенно необходимо оставить широкую почву для проявления и частной инициативы. Пусть... [пропуск в напечатанном в газете тексте; далее сразу новый абзац. — *Е. Т.-Г.*].

Расхождение с общегосударственной нормой не только не страшно и не вредно, но чрезвычайно желательно в целях большей полноты размаха общих просветительных заданий.

Изданный декрет о национализации школы должен в первую голову урегулировать финансовый вопрос, который в некоторых гимназиях г. Москвы стоит катастрофически. Приняв школьный инвентарь и все управление в свои руки, комиссариат должен позаботиться о своевременном финансировании учебных заведений и о поддержании их на высоте, достойной того дела, какому они служат.

Национализировать самый тип школ, ее внутреннюю психологию, опасно уже по одному тому, что жизнь все равно не укоротишь и не ограничишь, — она будет бить ключом через все декреты и циркуляры, и последним придется играть роль простых формальностей и бесконечных «разъяснений». Государство может установить только нормальный тип школы, как оно его в данный момент понимает. К этому типу, вероятно, будет принадлежать большинство школ страны.

Конкретно говоря, необходимо: 1) допустить существование школ, построенных и на иных началах, чем школа общегосударственная; 2) внимательно изучить и проанализировать проекты новых школ при обязательном участии их авторов; 3) при педагогической надежности проекта поручить автору провести его в жизнь; 4) финансировать такое предприятие и тем освободить чистую педагогику от необходимости приспособляться к финансовым ресурсам данного «содержателя».

(«Жизнь», 15 (2) июня 1918)

(научная подготовка текста и публикация Е.А. Тахо-Годи)

- Декреты 1957 — Декреты советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957 [*Decrees of the Soviet government* (in Russian)].
- Декреты 1959 — Декреты советской власти. Т. 2: 17 марта — 10 июля 1918 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959 [*Decrees of the Soviet government* (in Russian)].
- Декреты 1964 — Декреты советской власти. Т. 3: 11 июля — 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат, 1964 [*Decrees of the Soviet government* (in Russian)].
- Лосев 1918 — Лосев А.Ф. Организация средней школы // Жизнь. 1918. 15(2) июня. № 42 [Losev, Aleksei F., *The organization of the secondary school* (in Russian)].
- Лосев 1993 — Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос / Сост. и вступ. ст. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 613–801 [Losev, Aleksei F., *The Philosophy of Name*. (in Russian)].
- Лосев 1995 — Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1995 [Losev, Aleksei F., *Form. Style. Expression* (in Russian)].
- Лосев 2001 — Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» / Сост., подготовка текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого; предисл. А.А. Тахо-Годи; примеч. В.П. Троицкого. М.: Мысль, 2001 [Losev, Aleksei F., *The dialectics of Myth. Supplement to “The dialectics of Myth”* (in Russian)].
- Лосев 2002 — Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...». Т. 1. М.: Время, 2002 [Losev, Aleksei F., *“I am exiled to the XXth century...”* (in Russian)].
- Лосев 2015 — Лосев А.Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х — начала 1920-х годов / Общее ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий, сост. Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий. М.: Прогресс-Традиция, 2015 [Losev, Aleksei F., *On the edge of epochs: Works of 1910's — beginning of 1920's* (in Russian)].

Ссылки — References in Russian

- Бычкова 2009 — Бычкова В.М. Некоторые моменты из истории преподавания закона Божия в России // Вестник ПСТГУ. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 1 (12). С. 7–20.
- Вахитов 2018 — Вахитов Р.Р. Поздний Лосев и марксизм // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 106–116.
- Житенев 2015 — Житенев Т.Е. Вопрос о преподавании Закона Божьего в контексте церковно-государственных отношений в 1917–1918 году // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 4 (19). С. 205–213.
- Зенкин 1996 — Зенкин С.Н. Ролан Барт — теоретик и практик мифологии // Барт Р. Мифологии / Пер., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 5–53.
- Косик 2013 — Косик О.В. Голоса из России. Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР. 1920-е — начало 1930-х годов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
- Ронен 2005 — Ронен О. Устные высказывания Р.О. Якобсона об А.Ф. Лосеве // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 2. М.: Водолей, 2005. С. 66–68.
- Стоюхина 2010 — Стоюхина Н.Ю. А.Ф. Лосев и Нижегородский университет: 1919–1921 гг. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 12. М.: Водолей-Publishers, 2010. С. 48–82.
- Тахо-Годи 2002 — Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев как психолог (Диалектика мифа или психология мышления?) // Мир психологии. 2002. № 3. С. 169–175.
- Тахо-Годи 2007^a — Тахо-Годи А.А. Лосев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2007.
- Тахо-Годи 2007^b — Тахо-Годи Е.А. Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007.
- Тахо-Годи 2007^b — Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев в историческом пространстве между «Вехами» и «Из глубины» (о прозе Лосева и о трех забытых публикациях 1918 г. в газете «Жизнь») // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2007. С. 368–409.
- Тахо-Годи 2011 — Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев и сборник «Russland» (1919): факты и гипотезы // От Кирилова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 581–598.
- Тахо-Годи 2014 — Тахо-Годи Е.А. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М.: Модест Колеров, 2014.
- Указатель 2013 — Алексей Федорович Лосев: Биобиблиографический указатель: К 120-летию со дня рождения / Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко; отв. за вып. В.В. Ильина / Ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий / Спецвыпуск Бюллетеня Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» (Вып. 17). М.: Дизайн и полиграфия, 2013.
- Энциклопедия 2009 — Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2009.

A.F. Losev: between political journalism and social epistemology

Elena A. Takho-Godi

The article precedes the publication of the previously unknown A. F. Losev's journalistic opus «The organization of the secondary school» (see Appendix) and refers to the early period of the philosopher's work (late 1910s–1920s) – the time of his greatest social and political activity. The main attention is paid to Losev's political journalism relating to 1918, devoted to problems of school education. The socio-political context that provoked the appeal of the young philosopher to this problem is revealed. At the same time, the aim is to enter this political journalism into the philosophical context of Losev's creativity. This approach helps to see the connection of Losev's reflections on the organization of school education with his reflections on the introduction of the human person to higher knowledge – to faith. The author shows that Losev's thought is gradually moving from the analysis of political reality and solving the problems of spiritual education of the child to the consideration of the problem of «objective truth» and its historical transformations and, further, in the books of the 1920s and in the artistic prose of the 1930s, to the reconstruction of various types of thinking generated by religious doctrines and the social reality. The analysis allows to reveal the general basis of publicistic, artistic and philosophical texts, as well as to raise the question of possible convergence of social epistemology and Losev's doctrine of «relative» and «absolute» mythologies, the most consistently developed by the philosopher in his book «The Dialectics of Myth».

KEY WORDS: A.F. Losev, school, knowledge, publicist article, mythology, epistemology.

TAKHO-GODI Elena A. – DSc in Philology, Docent, Professor of the Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Head of the department, The Library of history of Russian philosophy and culture “A.F. Losev House”.

takho-godi.elena@yandex.ru

Received at March 22, 2018.

Citation: Takho-Godi, Elena A. (2018) “A.F. Losev: between political journalism and social epistemology”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2018), pp. 140–149.

DOI: 10.31857/S004287440001156-6

References

- Bychkova, Valentina M. (2009) “Some facts from history of teaching of Law of God in Russia”, *Vestnik PSTGU*. Ser. 4: Pedagogic. Psychology, Vol. 1 (12), pp. 7–20.
- Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Kanon, Reabilitasia, Moscow, 2009 (in Russian).
- Kosik, Olga V. (2013) *Voices from Russia. Essays on the history of the collection and transfer abroad of information about the situation of the Church in the USSR. 1920s-early 1930s*, Izdatelstvo PSTGU, Moscow (in Russian).
- Mukhamedzhanova, Genrieta M., Chepurensko, Tatiana V., Takho-Godi, Aza A., Takho-Godi, Elena A., Troitskiy Victor P. (eds.), (2013) *Aleksey Fedorovich Losev: bio-bibliographic index: To the 120th anniversary from birthday* (Special Issue of: Bulletin Biblioteki “Dom A. F. Loseva”, Vol. 17, resp. for the issue V. V. Iiina), Dezain i poligrafii, Moscow, 2013 (in Russian).
- Ronen, Omry (2005) “R.O. Jacobson's oral statements about A.F. Losev”, *Bulleten Biblioteki “Dom A. F. Loseva”*, Vol. 2, Vodolei, Moscow, pp. 66–68 (in Russian).

- Stojuhina, Natalia Yu. (2010) "A.F. Losev and Nizhny Novgorod University: 1919–1921", *Bulleten Biblioteki "Dom A. F. Loseva"*, Vol. 12, Vodolei, Moscow, pp. 48–82 (in Russian).
- Takho-Godi, Aza A. (2007) *Losev, the 2nd ed.*, Molodaia gvardia, Moscow (in Russian).
- Takho-Godi, Elena A. (2002) "A.F. Losev as a psychologist (The dialectics of myth or psychology of thinking?)", *Mir psihologii*, N 3, pp. 169–175 (in Russian).
- Takho-Godi, Elena A. (2007^a) *The artistic world of A.F. Losev's fiction*, Bolshaia Rossiiskaia enciklopedia, Moscow (in Russian).
- Takho-Godi, Elena A. (2007^b) 'A.F. Losev in the historical space between "Landmarks" and "From the depths" (about Losev's prose and three forgotten publications of 1918 in the newspaper "The life")', *The collection "Landmarks" in the context of Russian culture*, ed. by A.A. Takho-Godi, E.A. Takho-Godi, Ser. "Losev's readings", Nauka, Moscow, pp. 368–409 (in Russian).
- Takho-Godi, Elena A. (2011) 'A. F. Losev and collection "Russland" (1919): facts and hypotheses', *From Kibirov to Pushkin: the collection in honor of the 60th anniversary of N. Bogomolov*, NLO, Moscow, pp. 581–598 (in Russian).
- Takho-Godi, Elena A. (2014) *Aleksei Losev in the era of the Russian revolution: 1917–1919*, Modest Kolerov, Moscow («Studies in the history of Russian thought». Vol. 17). (in Russian).
- Vakhitov, Rustem R. (2018) "The Late Losev and Marxism", *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2018), pp. 106–116.
- Zenkin, Sergej N. (1996) "Roland Barthes – the theorist and practitioner of mythology", Barthes, Roland, *Mythologies*, transl., introd. and comment. by S.N. Zenkin, Izdatelstvo im. Sabashnikovyh, Moscow, pp. 5–53 (in Russian).
- Zhitenev, Timofej E. (2015) "The question of the teaching of God's law in the context church-state relations in 1917–1918 year", *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatischeva*, Vol. 19, N 4, pp. 205–213.